В 1992 г., как известно, рождаемость была крайне низкой. Ребятам, родившимся тогда, как раз в 2010 г. исполняется 18 лет.
Возникает вопрос: какую армию мы создаем? Если профессиональную, т.е. такую, где служат люди, профессия которых — Родину защищать, то их труд должен быть достойно оплачен. Сегодня в Москве средняя заработная плата составляет 18 тыс. руб. А сколько получает солдат-контрактник? Максимум 10–11 тыс., сержант — 15 тыс. Я уж не говорю о том, что военных профессионалов необходимо обеспечить служебным жильем на время службы по контракту.

Сегодня у нас некомплект той молодежи, которая должна и, что немаловажно, может служить.
Да. Мы и так уже пошли на компромисс: привлекаем на службу людей, имеющих судимость.

А какова мобилизационная готовность? В случае угрозы все соберутся на призывные пункты?
Вот, кстати, Вы затронули очень важную проблему. Вопрос мобилизационной готовности сейчас весьма актуален. Мы подняли документы и обнаружили, что даже во время призыва в июне 1941 г. в Москве на призывные пункты пришли не все. А сегодня? У нас такая миграция, что военные комиссариаты не в состоянии отследить передвижения приписанных. Призывник может, например, уехать на заработки в другой регион.

Я убежден, что, если начнется война, нам не придется, как в годы Великой Отечественной войны, перевозить предприятия с запада на восток — нечего будет везти. И второе: кто даст гарантию, что предприятия, расположенные на западе России, не будут стерты с лица земли в первые часы войны? Я был свидетелем того, как американцы уничтожали заводы на территории бывшей Югославии. Достаточно было намека на то, что макаронная фабрика может производить патроны в военное время, чтобы ее разрушили до основания.

Фото: ИТАР-ТАСС / Василий Смирнов

Узел на шее противника

Заместитель секретаря Совета безопасности РФ, начальник Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, генерал армии Юрий Николаевич Балуевский в интервью Александру Агееву и Александру Исаеву анализирует тот спектр проблем внешней политики, который не часто оказывается в центре внимания широких средств массовой информации.

А возможна ли такая война с американцами или с НАТО?
Я неоднократно публично заявлял и повторяю еще раз: сегодня крупномасштабная война маловероятна, тем более столкновение с НАТО. Нам следует быть реалистами. Что такое НАТО? 900 млн человек. А нас чуть более 140 млн. Давайте не будем закрывать глаза на объективный факт: сегодня США в военном и экономическом отношении — самое мощное государство в мире.

Допустим, американский корабль зайдет в черноморский порт. С берега кто-то шарахнет по нему из гранатомета. С корабля ответят... Возможно такое?
Представить подобную ситуацию можно. Но спровоцирует ли она войну между США и Россией? Я бы не дал однозначного ответа на этот вопрос. Не думаю, что начнется война, даже если командир корабля ответит — такая реакция вполне объяснима: в уставе любой армии записано, что в случае нападения необходимо ответить, чтобы обеспечить свою защиту.

А есть ли уверенность в том, что какой-нибудь оставшийся эсминец Черноморского флота не ответит? Помните Карибский кризис?
Если ответить, то чем? Обычным оружием — в принципе, да, возможно. Ядерным оружием — исключено. Я гарантирую Вам это как начальник Генерального штаба. В нашей стране ядерное оружие может быть использовано только с разрешения Президента. Существует целая система всевозможных защитных мер, предотвращающая его случайное применение. Главный вопрос — как не допустить подобного вооруженного столкновения.

А у Вас нет ощущения, что милитаристские силы НАТО придерживаются другой точки зрения?
Помните, был такой апологет холодной войны — Роберт Макнамара? Я с ним встречался и после первой нашей встречи стал лучше его понимать. Он мне сказал: будучи министром обороны США, я придерживался определенной позиции, а теперь, когда я рядовой гражданин США, проповедую те же взгляды, но в ином ракурсе. Я спросил: а в чем же суть Вашей сегодняшней позиции? Он ответил: сегодня ни налогоплательщики США, ни президент США не допускают мысли о том, что на территорию Соединенных Штатов может упасть хоть один ядерный боеприпас. Страны, обладающие ядерным оружием, гарантируют другим странам, что будут стремиться к его сокращению и уничтожению, и это нашло отражение в Договоре о нераспространении ядерного оружия.

Есть ли у нас общие цели? Есть. А события 11 сентября 2001 г. показали, что США не такое уж защищенное государство. Я буквально через неделю после этих событий был в Нью-Йорке и Вашингтоне и видел страх в глазах людей. Вы наверняка помните, что в ноябре 2001 г. состоялся один из первых зарубежных визитов Владимира Владимировича Путина в ранге Президента — 14 или 15 ноября Путин прилетел в США. А за день до его прилета у них упал самолет (двигатели отказали). Если бы тогда бен Ладен и иже с ним подтвердили, что это их рук дело, трудно представить, какая была бы паника в американском обществе. Только после этого они поняли, что им нужно сотрудничать с другими странами в такой сфере, как борьба с терроризмом. Хотя я еще в 1998–1999 гг., будучи начальником Главного оперативного управления, предлагал американцам подписать ведомственное соглашение между Минобороны РФ и минобороны США о взаимодействии в области борьбы с терроризмом.

Есть вопрос, который не дает мне покоя. Можно ли считать, что в 1991 г. мы капитулировали перед НАТО? Я имею в виду распад СССР.
Вы интересно ставите вопрос. Честно говоря, я никогда не рассматривал распад СССР как капитуляцию. Мне кажется, он стал логическим завершением того, что мы говорили одно, а делали другое. Впервые я столкнулся с этим несоответствием, когда был лейтенантом, командиром взвода, на примере нашего замкомандира батальона по воспитательной работе, слова которого имели мало общего с его делами. Руководители КПСС в целом говорили правильные слова, но реализация была неадекватная, и это нас погубило.

Т.е. мы сами сдались?
Сами. Давайте вспомним СССР: первый спутник, первый человек в космосе — и можно дальше загибать пальцы на слове «первый». Но какими усилиями все это давалось! За счет чего тогда двигалась наука в СССР? За счет огромных финансовых вливаний, в первую очередь в оборонную промышленность.

Руководители КПСС в целом говорили правильные слова, но реализация была неадекватная, и это нас погубило.

Я часто себя спрашиваю: страна последние 10–15 лет жила на нефтедоллары. Почему за это время не была модернизирована производственно-технологическая база отечественной промышленности? Ведь все прекрасно понимали, что это не может бесконечно продолжаться. Сейчас мы опять говорим правильные слова об инновационном развитии нашей экономики. Но инновационное развитие подразумевает вливание частных денег в качестве дополнения, и немалого, к отчислениям из федерального бюджета. Насколько активно российский частный капитал сегодня инвестирует в инновации?

Практически не инвестирует. Может быть, кто-то кому-то обещал не развивать экономику, чтобы не раздражать НАТО, китайцев?
Президент в обращении к Федеральному собранию определил пять направлений. Первое — новые технологии, ядерный комплекс. В России это самая молодая отрасль, но и здесь есть систем-

ные проблемы, характерные для промышленности нашей страны в целом, прежде всего отсталая технологическая база. А откуда взяться новой технологической базе? Скажите, какие предприятия в России сегодня выпускают станки с программным управлением?

Исчезла у нас станкостроительная промышленность. Только в Петербурге кое-что осталось.
Мы можем что-то купить, но ведь самое современное нам не продадут. Или другая составляющая — кадры, начиная от конструкторов и кончая рабочими. Люди старятся, выходят на пенсию, а замены им нет.

В Афганистане производство наркотиков стало государственной политикой. Даже президентское окружение на этом делает большие деньги.

Это означает, что через 10 лет нам придется капитулировать?
Помните заявление Мадлен Олбрайт? Она сказала: я смотрю на карту: что-то у русских многовато территории, может быть, поделим ее?

А может, у нас кто-то думает, что стоит поделиться? Тогда войны не будет, не нападут.
У меня на столе лежит книга «Китай недоволен», которая вышла малым тиражом. Она Вам не попадалась? Книга написана молодыми китайскими журналистами, представляющими военные круги КНР, и не исключено, что отражает позицию официальной власти. Я кратко перескажу ее содержание.

Начиная с опиумных войн Запад все время притеснял Китай. Даже сегодня, когда Китай, как пишут авторы, превратился в пошивочный цех всего мира, китайцы не получили желаемого. В заслугу Мао Цзэдуну ставится то, что он создал атомную и водородную бомбы. Но сегодня, говорится в книге, в КНР отношение к этому оружию должно измениться — Китай может сам определять, когда, против кого и в каких условиях использовать ядерное оружие. Это что-то новое! Как Вы помните, в свое время СССР и КНР взяли на себя обязательство не применять первыми ядерное оружие. Они могли себе это позволить, имея мощные силы общего назначения. А теперь китайцы хотят занять другую позицию.

На встрече с председателем военного комитета НАТО Харальдом Куйятом, 2002 г.

Показывают зубы? Репетируют?
Я много раз бывал в Китае и знаю, что менее чем за 10 лет эта страна достигла больших успехов — прошла путь от массового использования велорикш до массового использования автомобилей. Я видел, как росло мастерство военнослужащих КНР. Мне удалось побывать на объектах, куда вообще не пускают иностранцев, например в Центре управления полетами. Китайцы — прагматики, они ставят себе цели и добиваются их.

Какая основная угроза исходит из Ирана, Афганистана, Ирака? Терроризм? Ядерная угроза? Или здесь наркотики гораздо страшнее?
Если говорить об Афганистане, то это, конечно, наркотрафик. Позволю себе сказать, что сегодня производство наркотиков там стало государственной политикой. Мы прекрасно знаем, что даже президентское окружение на этом делает большие деньги. В свое время я задал вопрос нынешнему помощнику президента, генералу Джеймсу Джонсу: почему Вы не уничтожаете плантации? Ведь Афганистан — Ваша зона ответственности. Он ответил: для этого необходимо политическое решение. С момента вступления в Афганистан западной коалиции производство наркотиков не уменьшилось, а, наоборот, увеличилось. А что касается ядерной программы Ирана, мне кажется, возможности этой страны преувеличены. Не исключено, что иранцы сами себя так подают. Трудно понять политику, проводимую Ираном, так же как трудно понять политику Северной Кореи.

В рамках нашей экспертной оценки существует три категории: страна способна производить вооружение а) полностью, б) частично, в) совсем не способна. Так вот, в России 18 видов технологий из 82 более-менее освоены, 2 вида не освоены совсем, а все остальные — только

Фото: ИТАР-ТАСС / Константин Кижель

частично. Даже Китай нас опережает по некоторым позициям. Давайте вспомним, сколько лет понадобилось СССР, чтобы перейти от создания атомной бомбы к созданию баллистических ракет?

Лет 15–20.
Сейчас говорят: завтра Иран создаст ракету, которая долетит до США. Не создаст. Технологически это невозможно. Или вот Северная Корея испытала ядерное устройство. Я подчеркиваю — именно устройство. Сколько времени понадобится, чтобы такое устройство превратилось в ядерную боеголовку или авиабомбу? Немало. При Буше США собирались развернуть третий позиционный район в Европе якобы для защиты от иранских ракет. Но полетят ли иранские ракеты, и если полетят, то куда? И почему так спешно надо ставить ракеты, которые еще не приняты на вооружение?! Честно говоря, я даже вступил в полемику с Евгением Максимовичем Примаковым: сказал, что не считаю, что американцы отказались от развертывания третьего позиционного района. Они будут его развертывать, только на более современной базе. Именно это они по большому счету и делают.

Для нас и Северная Корея, и Иран представляют бóльшую опасность, чем для США, потому что они ближе к нам. Мы предлагаем американцам создать совместную систему мониторинга. И в то же время ни у кого нет права запретить государству осуществлять мирные ядерные программы. Давайте попробуем воздействовать на Иран и Северную Корею политическими методами, чтобы убедить их не создавать ядерное оружие, а под международным контролем развивать атомную энергетику.

Какие элементы нашей военной мощи вызывают у Вас чувство удовлетворения? На что мы можем надеяться в критической ситуации?
Сложный вопрос. Надежда может быть на то, что Россия опять как

В.В. Путин и Ю.Н. Балуевский во время встречи в Кремле, 2007 г.

феникс восстанет из пепла. Но не надо доводить до пепла.

Скажу словами Альберта Эйнштейна: «Я не знаю, каким оружием будут воевать в Третьей мировой войне, но я точно знаю, что в Четвертой мировой войне в ход пойдут дубины и камни». Мы не должны допустить Третьей мировой войны, поскольку она может вестись с применением ядерного оружия. Так вот, в новой военной доктрине РФ черным по белому записано: «Недопущение ядерного конфликта, как и любого другого, — важнейшая задача Российской Федерации». Там также записано и то, что Россия оставляет за собой право применения ядерного оружия в условиях, когда на карту поставлено само существование государства. Почему-то это вызвало острую реакцию за рубежом.

Мы не должны допустить Третьей мировой войны, поскольку она может вестись с применением ядерного оружия.

Истерику практически.
Именно. Госпожа Клинтон, не хочу ее обижать, видимо, не информирована о том, что американские военные никогда не снимали с повестки дня вопрос о применении ядерного оружия, в том числе в форме превентивных ударов.

Во время одной из поездок в США наша делегация посетила места решающих сражений между войсками Севера и Юга. Мы были в гражданской одежде, и к нам подошли дети лет 10. Когда они узнали, что здесь и русские, и американские военные, одна девочка сказала примерно следующее: если наши и русские генералы вместе — значит, войны не будет. Я надолго запомнил эти слова. Мы должны быть вместе, ведь мир сегодня настолько хрупок, что можно разбить его как стеклянный сосуд.

Мы знаем, что Вы собираете афоризмы и сами их пишете. Может быть, приведете один из них?
Мы много говорили о войне. Что такое война? Это способ развязывания зубами узла на шее противника, который нельзя развязать языком.

ПЭС 10014/28.01.2010

Фото: ИТАР-ТАСС / Дмитрий Астахов